

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С. Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73477 EDN:

QRNPKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73477

Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ jumo@bk.ru

[Статья из рубрики "Международные отношения: системы взаимодействия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73477

EDN:

QRNPKG

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2025

Дата публикации:

21-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики. Целью работы выступает выявление особенностей применения указанных политических и информационных стратегий в современной российской внешней политике, в первую очередь определяемой проведением специальной военной операции на Украине (СВО). Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что современные информационные технологии оказывают постоянно возрастающее влияние на сферу политики, в том числе на международные отношения, видоизменяя традиционные инструменты политической борьбы, особенно в эпоху политических кризисов, принимающих характер вооруженных

конфликтов. Практическая значимость исследования выражается в том, что его результаты могут применяться при составлении учебных политологических курсов, а также в процессе обсуждения концепций внешней политики Российской Федерации. Методология исследования основывается на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики. При извлечении статистических и справочных сведений автором статьи использовался сервис «Нейро» на базе YandexGPT, способный обрабатывать значительный массив содержащихся в интернете актуальных данных. Для решения задач исследования автором впервые в политической науке был осуществлен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, а также произведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/России и США. Рассмотренный обширный эмпирический материал дал возможность уточнить имеющиеся в науке определения терминов реалполитики и ноополитики, сформулировать качественно новую трактовку понятия криптополитики, а также выделить различные структурные и функциональные элементы указанных дефиниций. Это позволило выявить следующие особенности российской внешней политики на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Ключевые слова:

Россия, США, международные отношения, специальная военная операция, реалполитик, ноополитик, криптополитика, нарратив, медиа, дискурс

Введение. Целью предлагаемой статьи является выявление особенностей применения стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики в современной российской внешней политике, в первую очередь определяемой проведением специальной военной операции на Украине (СВО). Для достижения данной цели потребовалось решить следующие задачи: 1) рассмотреть имеющуюся научную и справочную литературу по стратегиям реалполитики, ноополитики и криптополитики, в том числе имеющиеся определения данных терминов; 2) произвести критический отбор необходимых для комплексного анализа указанных дефиниций научных концепций и теоретико-методологических подходов; 3) проанализировать необходимый эмпирический материал через систему разработанных параметров реалполитической, ноополитической и криптополитической стратегий; 4) на основе проведенного анализа сформулировать уточненные определения реалполитики, ноополитики и криптополитики; 5) выявить особенности применения указанных политических и информационных стратегий в современной российской внешней политике.

Объектом данного исследования выступают особенности внешней политики России, связанные с проведением специальной военной операции России на Украине (СВО).

Предметом – стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики, определяющие особенности современного российского внешнеполитического курса в условиях острого политического и вооруженного конфликта на Украине.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что современные информационные технологии оказывают постоянно возрастающее влияние на сферу политики, в том числе на международные отношения, видоизменяя традиционные инструменты политической борьбы, особенно в эпоху политических кризисов, принимающих характер вооруженных конфликтов. Практическая значимость исследования выражается в том, что его результаты могут быть использованы для составления учебных курсов по политическим наукам, применяться в процессе обсуждения концепций внешней политики Российской Федерации.

Методология исследования основывается на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики. Сравнительно-исторический подход использовался автором преимущественно для сопоставления геополитического баланса сил СССР/США по состоянию на 1990 г. и геополитического баланса сил России/США по состоянию на 2024 г. При этом в качестве реперных исторических точек для анализа выбирались события как недавнего прошлого, связанные с периодом распада СССР и последовавшим за 1991 г. периодом международной политической нестабильности, так и события отдаленных эпох: правление Василия III (первая четверть XVI в.), Русско-шведская война 1808 – 1809 гг., Парижский мирный договор 1856 г., Гражданская война в России 1917 – 1922 гг. Структурно-функциональный подход применялся главным образом в рамках анализа стратегий ноополитики и криптополитики с выделением следующих структурных элементов: наличие политической идеологии; привлекательный внешний образ страны; наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив и т.д. При этом были выделены функции каждого из обозначенных структурных элементов стратегий ноополитики и криптополитики: идеологическая, креативно-интеграционная, посредническая, футуристическая и т.п. Для извлечения статистических и справочных сведений автором статьи использовался сервис «Нейро» на базе YandexGPT, способный обрабатывать значительный массив содержащихся в интернете актуальных данных.

Новизна настоящей работы заключается в том, что автором впервые в политической науке был осуществлен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, а также произведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/России и США. Рассмотренный обширный эмпирический материал позволил уточнить имеющиеся в науке определения терминов реалполитики и ноополитики, дать качественно новую трактовку понятия криптополитики, а также выделить различные структурные и функциональные элементы указанных дефиниций. Это позволило выявить следующие особенности российской внешней политики на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Термин реалполитика (Realpolitik) в той или иной форме давно известен отечественной политологической литературе. Так, еще в авторитетной «Политической энциклопедии» (1999) содержится статья о политическом реализме, который определяется как одно из важнейших проявлений политики. В основе политического реализма лежат не благие пожелания, идеологические и моральные установки, а интересы политических субъектов. Понятия врагов и союзников в рамках политического реализма носят относительный характер, поскольку могут меняться в зависимости от смены интересов [\[2, с. 324\]](#). Авторы энциклопедии указывают на то, что школа реальной политики представляет собой отдельное течение западной политической мысли, сформировавшееся после второй мировой войны. Ее главным объектом выступают международные отношения [\[2, с. 324-325\]](#). В докладе «Realpolitik...» (2012) Г. А. Гаджиев отмечает реальную политику как «получившее в последнее время популярность явление» [\[4, с. 55\]](#). Дефиниция «концепция политики реализма (силовой политики)» присутствует в словаре «Философии и права» (2014) под редакцией Е. Н. Мошелкова [\[24, с. 154-155\]](#). Проблема актуализации «реалполитик» (как изначально немецкой доктрины) в отношении современной политики выступает содержанием статьи В. В. Зубова (2022) [\[7\]](#).

О ноополитике (Noopolitik) как глобальной информационной стратегии говорится в одноименной статье (2012) А. В. Байчика и С. Б. Никонова [\[1\]](#). Изначально как медиакратию, то есть фактически «четвертую власть», определяет ноополитику в своей статье «Генезис трансформации...» (2014) С. Б. Никонов [\[17\]](#). Е. Г. Калугина совершенно справедливо указывает в монографии «Ноополитика и интернет-СМИ: информационное противостояние в сетевом пространстве» (2020), что термин ноополитика еще не в полной мере вошел в научный оборот, потому ученые трактуют его по-разному [\[9, с. 33\]](#). Ноополитика как часть новой медиасферы становится предметом диссертационного исследования С. Б. Никонова «Ноополитика в коммуникационном процессе...» (2021) [\[18\]](#). В статье О. А. Субботиной и В. Р. Пасиковской (2023) ноополитика рассматривается как информационная стратегия, оказывающая самое прямое влияние на внешнюю политику. Например, авторы исследуют различные медиатексты накануне СВО на Украине, выделяя «свою» и «чужую» ноополитику [\[24, с. 149\]](#).

Термин криптополитика (Crypto-politics) следует признать еще не установившимся в политической науке. Нам не удалось обнаружить примеров использования данного термина в отечественной научной литературе. Например, в упомянутой выше объемной «Политической энциклопедии» имеется лишь статья о ноосфере. Последняя определяется как «особый тип в развитии биосферы, в котором решающее значение приобретает духовное творчество человека» [\[19, с. 57-58\]](#). В англоязычной политологии указанная дефиниция также отдельно не рассматривается, упоминаясь лишь в контекстах криптокоммунизма (Crypto-communism), криптофашизма (Crypto-fascism) и других форм скрытой поддержки тех или иных политических идеологий. Так, А. Штротас отмечает, что «криптокоммунизм среди политических лидеров способствовал советизации стран Балтии» [\[34, с. 257-258\]](#).

Впервые термин Realpolitik был употреблен Л. Рохау, немецким общественным деятелем XIX века [\[29, с. 168\]](#). Современный исследователь Г. А. Гаджиев различает два вида реалполитик: архаичную, обеспечивающую временный успех, и более современную, способную реализовать преимущества в исторической перспективе. По мнению исследователя, Россия стоит перед выбором, какую из указанных стратегий использовать

[\[4, с. 55\]](#). Говоря о современной реалполитике, Г. А. Гаджиев указывает, что Realpolitik была возможна и приносила пользу в XIX в., когда в мире еще отсутствовало «общее конституционно-правовое интеллектуальное пространство». Однако уже С. Франк считал необходимым противопоставить коммунистическому утопизму «христианский реализм», который бы соединял в себе «разумную постепенность при осуществлении социальных преобразований» [\[4, с. 55\]](#).

Согласно В. И. Шамшуруну, концепция реализма (силовой политики) в нынешней англо-американской политологии характеризуется, прежде всего, *отрицанием «отвлеченных» идеалов альтруизма и гуманизма и руководствуется определенным набором «реальностей», в число которых может входить как военно-экономическая сила, так и национальные интересы страны* [\[24, с. 154\]](#). Ученый дает сжатую, но исчерпывающую историографию термина реалполитик, находя предпосылки его понимания в трудах Платона, Гоббса, но соглашается с тем, что авторство понятие принадлежит А. Л. Рохау. Особенно В. И. Шамшурин выделяет книгу Э. Х. Карра «Двадцатилетний кризис» (1939), в которой было показано, что оторванное от жизни «идеалистическое» понимание политики привело мир к катастрофе. Поэтому важно выстраивать международную политику «не на рассмотрении того, что "должно быть"», но на исследовании «истинного» положения вещей, то есть политической реальности [\[24, с. 154\]](#). По мнению исследователя, самое концентрированное выражение концепция реализма в сфере международных отношений получила в книге Х. Моргентау «Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace» (1949). Суть концепции американского автора можно выразить следующей цитатой: «...государство не имеет права позволять... препятствовать <тем> успешным политическим действиям, которые сами по себе вдохновлены моральным принципом национального выживания» [\[32, с. 165\]](#). В. В. Зубов в своей статье немалое место уделяет истории происхождения термина Realpolitik, при этом отмечая, например, что оценки политики как «плохой» или «хорошей» несут субъективный, а не объективный характер. Также важно, что конечной целью реальной политики является не власть правителя сама по себе как таковая, а благо государства [\[7, с. 102-103\]](#). Механизмами реалполитик, по мнению В. В. Зубова, могут быть признаны требования Г. Лебона формулировать простые лозунги и совершать наиболее простые политические действия, а также советы К. Шмитта не прибегать к формализованной либеральной политике в условиях, требующих срочных мер [\[7, с. 104\]](#). В. В. Зубов пытается применить термин реалполитик и к анализу международной обстановки, сложившейся после присоединения Крыма к России в 2014 г. В частности, он указывает на то, что хотя администрация США отказалась признавать факт перехода Крыма в юрисдикцию России, понимание общей угрозы терроризма и ядерной войны не могло не сказаться на очередном сближении между ведущими мировыми державами [\[7, с. 106\]](#).

Определение ноополитики (от греч. noos «человеческий разум»), данное американцами Д. Аркилом и Д. Ронфельдом, заключается в том, что ноополитика выступает как международная политическая стратегия в условиях информационного общества, делающая упор на первенство идей, ценностей и работающая скорее через «мягкую» силу [\[26, с. 102\]](#). Отечественные ученые А. В. Байчик, С. Б. Никонов полагают необходимым дать свое определение ноополитики, которая, по их мнению, представляет с о б о й нацеленную на определенный период информационную стратегию манипулирования интерпретациями международных процессов в средствах массовой информации с целью создания у широкой общественности нужного позитивного или негативного отношения к внешней или внутренней политике государства, а также

придания нужной оценки тем или иным провозглашаемым политическим образам и идеям [1, с. 208]. В частности, применяя свое понимание термина ноополитик к анализу турецкой внешней политики в период президентства Р. Эрдогана, А. В. Байчик, С. Б. Никонов отмечают, что эта политика, например, заключалась в ряде заявлений и подписанных соглашений, целью которых было не обычное продвижение государственных интересов в духе реалполитики, а пропаганда идеи Турции как моста между Востоком и Европой [1, с. 210-211]. По мнению С. Б. Никонова, ноополитика определяет ведущую роль медиакратии с ее «мягкой» политической пропагандой в современную эпоху манипулирования общественным мнением. В данном случае следует особое внимание уделять информационной безопасности [17, с. 41-42].

Наиболее значительными исследованиями по ноополитике являются монография Е. Г. Калугиной и диссертация С. Б. Никонова. В первой работе отмечается, что именно интернет в настоящее время выступает главным инструментом осуществления ноополитики, позволяя действующим во внешней политике субъектам наиболее активно и широко применять специфические информационные методы для достижения своих целей. Политическая дезинформация с целью причинения имиджевого урона здесь выступает наиболее распространенной «технологией» [9, с. 239]. Е. Г. Калугина считает, что воздействие на аудиторию с целью создания у нее определенного отношения к тем или иным политическим событиям должно рассматриваться не только через различные медиафреймы (повестки дня), формирующие соответствующую политическую картину, но и через весь комплекс мультимедийных и гипертекстовых элементов, не исключая в том числе подтасовку фактов (например, ссылку на «размытые» источники информации) [9, с. 239-241].

Значительное место в диссертационном исследовании С. Б. Никонова занимает рассмотрение ноополитической стратегии в контексте новой международной политики. Причем, при анализе степени влияния ноополитики на внешнюю политику исследователь считает, что наиболее значимыми являются «международные государственные и «прогосударственные» СМИ, имеющие две и более языковых версий и, соответственно, выступающие в качестве СМИ инструментов, то есть ресурсов, находящихся под влиянием того или иного субъекта политики» [17, с. 113].

Статья О. А. Субботиной и В. Р. Пасиковской представляет несомненный интерес тем, что исследует стратегию ноополитики применительно к кануну СВО на Украине. Довольно точно указано, что противостояние между США и Россией еще с 2014 г. обрело характер «опосредованной войны» (прокси-войны). Исследователи удачно отметили разницу в подходах к пониманию и освещению нынешнего конфликта на Украине. Если для США это конфликт, решающий вопрос политического выбора, то для России – конфликт, связанный с отречением одного государства от общих исторических, культурных и экономических корней с другим государством [23, с. 150]. К сожалению, основное содержание самой статьи свелось к выстраиванию в хронологическом порядке предшествовавших началу горячей фазы конфликта событий (заявлений политических лидеров зарубежных стран и ответов на них представителей России). Из всего этого анализа становится ясным лишь то, что Россия намеренно вводила в заблуждение мировую общественность и собственное население, скрывая факт подготовки СВО [23, с. 158].

Как уже отмечалось выше, термин криптополитика используется преимущественно в связи с такими определениями как, например, криптокоммунизм, который, по мнению

исследователей, можно определить как *тайную поддержку или восхищение коммунизмом. При этом отдельные лица и группы могут маркироваться как криптокоммунисты только по той причине, что обнаруживают связи с коммунистами или проявляют признаки сочувствия к коммунистическим идеям* [\[34, p. 257–258\]](#).

Анализ стратегии реалполитики. Современная политика в целом и внешняя политика в частности качественно отличается как от традиционной династической политики древности и средневековья, так и от реалполитик XVIII – XX вв., связанной со становлением национальных государств. Также очевидно, что нынешнее противостояние между странами условного «нового Восточного блока» (Россия, страны СНГ, БРИКС, ШОС) [\[4\]](#) и странами «коллективного Запада» нельзя считать своеобразным переизданием прежнего противостояния двух систем капитализма и социализма. Ситуация усугубляется зачастую лавинообразным изменением внешнеполитической обстановки. Например, казавшийся к концу 2024 г. незыблемым сирийский режим Б. Асада, переживший все волны цветных революций, собственный кризис, ответное успешное наступление сторонников оппозиции, в том числе наиболее опасных в лице террористов ИГИЛ (запрещенная организация в РФ), пал за несколько дней.

Согласно «Британской энциклопедии», термин Realpolitik не переводится как «реальная политика», а, скорее, как «искусство возможного» (по выражению О. Бисмарка), *способность приспособления к существующим условиям, принятия вещей такими какие они есть.* Этот прагматический и деловой взгляд зачастую ведет к пренебрежению этическими и моральными нормами. В дипломатии он ассоциируется с неуклонным, хотя и обоснованным преследованием национальных интересов.

Однако неправильно было бы сводить определение Л. Рохау к «праву сильного». Речь у немецкого политика идет лишь о признании того, что власть подчиняется определенным закономерностям и не может осуществляться по чьему-то произволу. Выразителем реалполитик в отношении Советского Союза и Восточного блока выступал известный американский пропагандист З. Бжезинский. Как справедливо указывает Ч. Гати, он не соглашался с пользой традиционной антикоммунистической риторики, основанной на угрозе применения оружия, и являлся сторонником «мягкой» силы, обращенной, в первую очередь, на ослабление связи между Россией и ее сателлитами в Восточной Европе. З. Бжезинский считал, что реализм состоит в том, что Россия и ее европейские союзники по коммунистическому блоку никогда не были цивилизационно близки. Поэтому американцам следовало привлекать на свои стороны интеллектуальные элиты, показывать преимущество западного образа жизни. Это автоматически подтачивало силу мировой системы социализма [\[27, с. 23–24\]](#). По мнению современного американского политолога Р. Махона, политика США в отношении авторитарных режимов в мире не основывалась на идеологическом принципе. США всегда поддерживали те страны и правительства, которые отвечали их национальным интересам [\[31, с. 205\]](#).

Как считает А. П. Цыганков, мировая политика в современном смысле оформилась относительно недавно, когда обнаружились противоречия между СССР и США. Именно в период «холодной войны» влияние и авторитет в политике приобрели «не только глобальный, но и осознанный характер». Международная политика стала опираться на идеологические основы и использовать все имеющиеся ресурсы [\[20, с. 893\]](#).

В концепции «изнанки» внешней политики А. М. Салмина важное место отводится поддержанию парадигмы сверхдержавы [\[20, с. 703\]](#). К числу других маркеров «изнанки» относятся: 1) экспорт энергетических и сырьевых ресурсов; 2) обслуживание внешнего

долга; 3) дезинтеграция и интеграция [\[20, с. 708-713\]](#).

Говоря о пережитом Россией кризисе, А. М. Салмин отмечает, что после 1991 г. она сохранила менее двух третей территории СССР, чуть больше половины его населения, ее доля в мировом ВВП упала с 8 до 1,5%, а вооруженные силы сократились втрое [\[20, с. 703\]](#). Соглашаясь с исследователем, мы также отметим, что важнейшее значение имеет такой параметр, как размер основной территории страны, который определяет степень ее защищенности. Является историческим фактом, что западная граница России (за небольшими исключениями: Выборг, Калининградская область, Причерноморье, Дагестан) фактически вернулась к временам Василия III и Ивана Грозного. После распада СССР, Россия лишилась наиболее населенных, промышленно и сельскохозяйственно развитых территорий, утратила почти половину населения (150 млн. чел. против 290 млн. чел.). Созданный и возглавлявшийся СССР блок ОВД был распущен, а ключевые его страны-участники стали членами противостоящего России блока НАТО. Вместо пояса сателлитов, простирающегося в отдельных направлениях на тысячи километров, Россия получила протяженные границы с НАТО: финскую, а также прибалтийскую. Балтийское море, восточное и почти все южное побережье которого к 1989 г. контролировалось Советским Союзом и ОВД, фактически превратилось в «озеро НАТО».

Количественные и качественные изменения претерпел состав союзников СССР/России. По сравнению с временами СССР, их число не только резко уменьшилось (за счет стран членов ОВД), но и стало включать преимущественно малоразвитые дезорганизованные страны вроде Сирии (до 2024 г.) или Венесуэлы. К тому же зачастую политические режимы в этих странах оказывались настолько неустойчивыми, что они легко выбывали из числа союзников России. В отличие от России, США, напротив, не только увеличили состав своих клиентских политических режимов, но и достигли максимального политического сплочения мира против России после 1856 г. (Парижский мирный договор) и 1917 – 1922 гг. (Гражданская война в России) соответственно. Об этом, например, свидетельствуют резолюции голосований на Генассамблеях ООН 26 апреля 2023 г., согласно которой Россия была признана «агрессором» даже теми странами, которые традиционно придерживались нейтралитета.

Еще одним ключевым геополитическим параметром резкого изменения баланса сил на международной арене явилось резкое сокращение числа военных баз России. Если СССР в разные годы своего существования имел присутствие на всех континентах, за исключением Антарктиды, Южной Америки и Австралии, то в настоящее время у России сохранились всего две базы за границами бывшего Советского Союза (в Сирии). Однако их статус и будущее после 2024 г. остаются неопределенными. Хотя МИД в лице С.В. Лаврова подтвердил заключение соглашений о создании военных баз России в Эритрее и Судане, это еще не означает их фактического развертывания [\[33\]](#). Базы необходимо будет создать. Между тем на вопрос «Каково число стран, в которых в 2024 г. находились военные базы США?» текст, сгенерированный «Нейро», показал, что «по состоянию на середину 2024 года, согласно рассекреченным данным, США располагали не менее чем 128 военными базами в 49 странах за пределами своей территории» (Нейро, 2025).

Тем не менее в настоящее время Россия подчеркнута сторонится любого намека на архаические и негибкие решения, во многом превосходя здесь даже США и ЕС. Например, трезво взвесив имеющиеся возможности, а также уважая право США на свою нынешнюю национальную безопасность, Россия до сих пор не предпринимает попыток

воссоздать в полном объеме свое бывшее военно-морское присутствие в различных регионах мира от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. Переговорные усилия России остаются достаточно гибкими (в Сирии, Судане, Мали, ЦАР, Нигере и т.д.). Российское политическое руководство демонстрирует возможность договариваться с теми силами, которые в данный момент представляют собой политическую реальность.

Отдельную группу параметров реалполитической стратегии составляют уровень валового национального дохода на душу населения (ВНД) и, рассматриваемый нами, показатель потребления хлеба и зерновых. Согласно первой позиции, Россия демонстрирует значительный прогресс по сравнению с временами СССР. Так, по цифрам, предоставленным сервисом «Нейро», в 2024 г. ВНД России был меньше ВНД США примерно в 4 раза, в то время как в 1990 г. он отличался почти в 10 раз (в пользу США). Экономика России в 2024 г. выросла в целом на 1% больше, чем экономика США, хотя и не так сильно, как СССР в 1990 г. (Нейро, 2025). Однако в последнем случае следует учитывать то обстоятельство, что рост экономики СССР происходил в условиях планово убыточного нерыночного хозяйства и не всегда означал рост благосостояния граждан. В этой связи более показательным является такой параметр как потребление хлеба (зерновых) на человека. Обычно, повышенное потребление данного вида пищевых продуктов свидетельствует о нехватке мяса, рыбы, овощей и фруктов в рационе питания, что характерно в первую очередь для автаркичного, малосвязанного с мировым рынком и прогрессивным сельскохозяйственным производством общества, подверженного периодическим продовольственным кризисам. Если жители СССР в 1990 г. потребляли хлеба больше чем в США почти на 50 кг., то в настоящее время (в 2024 г.) разница практически отсутствует. По мнению Д. Д. Князевой, уменьшение потребления хлебных изделий, объясняется ростом культурных и экономических ресурсов человека. Более состоятельные граждане тратят на покупку хлеба меньше, чем наименее состоятельные граждане [\[10, с. 72\]](#).

Очевидно, что нынешнее российское правительство имело возможность снизить ВНД и другие социально-экономические показатели для преодоления последствий геополитической катастрофы, прибегнув к традиционной авральной модели выхода из кризисной ситуации, тотальной мобилизации экономики и людских ресурсов. Однако не стало делать этого, продолжив курс на сохранение и даже дальнейшее повышение уровня жизни населения России.

Таблица 1. Стратегия реалполитики. Сравнение балансов сил сверхдержав СССР и США в международной политике в эпоху холодной войны (1945 – 1991 гг.) и первой четверти XXI в. (2001 – 2022 гг.).

	Параметры	«Холодная война» (1945 – 1991 гг.)	Современная эпоха (2001 г. – н.в.)	Баланс сил на начало 2025 г.
1.	Размер основной территории и степень ее защищенности (наличие т.н. «пояса безопасности» географического или из стран-сателлитов).	СССР – территория сопоставимая с ее территорией Российской империи на 1914 г. (СССР 22 402 200 кв. км.; РИ – 22 800 000 кв. км.), наличие ОВД (Организации Варшавского	Россия – минимальная по площади территория с конца XVII в. (17 125 191 кв. км.). Потеряны наиболее густонаселенные и обладающие значительным промышленным	Геополитическая катастрофа России, возвращение ее западных границ к временам Василия III и Ивана Грозного (за исключением полуэксклава «Калининградская

		<p>договора), в которую входило большинство стран Восточной Европы, в том числе такие развитые как ГДР, Чехия, Польша Венгрия.</p> <p>США – территория, фактически равная территории С-А. США на 1914 г. (США и С.-А. США без учета колоний 9 147 590 кв. км.), наличие НАТО (Организации североатлантического договора), в которую входили ведущие промышленно развитые западноевропейские страны: ФРГ, Франция, Великобритания, Италия, Испания.</p>	<p>сельскохозяйственным потенциалом территории на западе, юго-западе и юге (ок. 5 млн. кв. км.), распад ОВД и замена его «рыхлой» структурой ОДКБ, включающей не все бывшие советские республики.</p> <p>США – территория без изменений, расширение НАТО (включение в ее состав основных участников ОВД: ГДР, Чехии, Польши, Венгрии, а также присоединение к блоку нейтральных Швеции и Финляндии).</p>	<p>область» и части Северного и Восточного Причерноморья, Дагестана), военные действия по всей юго-западной границе от Курской области до устья Днепра. Превращение Балтийского моря в «озеро НАТО».</p> <p>Апогей геополитического могущества США.</p>
2.	Наличие и качество союзников (или сателлитов).	<p>СССР – страны ОВД Куба, Сирия, Монголия, Северная Корея, Вьетнам. Временно: Китай, Югославия, Албания, Эфиопия и т.д.</p> <p>Наличие среди союзников как промышленно развитых стран, так и стран «третьего мира».</p> <p>США – промышленно развитые страны НАТО, а также, например, богатые хорошо разработанными и доступными ресурсами страны Персидского залива: Саудовская Аравия.</p>	<p>Россия – Сербия, Белоруссия, Куба, Венесуэла, Никарагуа, Сирия (до конца 2024 г.), Северная Корея.</p> <p>Тактический («ситуативный») союзник: Китай.</p> <p>Явное уменьшение числа союзников и превалирование среди немногих оставшихся небогатых и небольших по площади стран.</p> <p>США – увеличение числа союзников за счет бывших членов ОВД и прибалтийских советских республик.</p>	<p>Геополитическая катастрофа России, тенденция к ее международной изоляции, сравнимой с временами Крымской и Гражданской войн, (отсутствие союзников в Европе).</p> <p>Положение несколько смягчается наличием «ситуативных» условных «союзников»: Словакия, Венгрия, Китай.</p> <p>Апогей геополитического</p>

3.	Наличие радиолокационных, военно-морских и военно-воздушных баз за границами сверхдержавы.	СССР – ГДР, Польша, Куба, Эфиопия (ныне территория Эритреи), Ливия, Сирия, Вьетнам и др. США – Куба, страны НАТО, Япония, Южная Корея, Тайвань и т.д.	Россия – Куба (до 2002 г.), Ливия (до 2011 г.), Сирия (в настоящее время существование баз под вопросом), Вьетнам (до 2002 г.). Предположительно возможна организация баз в ЦАР, Мали, Египте, Судане, Эритрее, Мадагаскаре и Мозамбике. Подтвержденные данные имеются только по Эритрее и Судану. США – максимальное увеличение числа военных баз по всему миру (128 баз в 49 странах). Число закрытых баз незначительно (например, в Узбекистане, Афганистане, Ираке). Усиление геополитического и военного присутствия США непосредственно у границ России.	могущества США. Геополитическая катастрофа, купируемая попытками России сохранить базы в Сирии и увеличить военное присутствие в Красном море и странах Восточной Африки. Апогей геополитического могущества США.
4.	Уровень валового национального дохода на душу населения (качество жизни граждан).	СССР (1990 г.) – 2763 долл.; рост экономики – 8,4%. США (1990 г.) – 23640 долл.; рост экономики – 1,86%.	Россия (2024 г.) – 14250 долл.; рост экономики – 4,1%. США (2024 г.) – 85370 долл.; рост экономики – 2,8%.	Продолжающийся экономический рост в России, несмотря на санкционное давление и неблагоприятную международную рыночную конъюнктуру. Снижение темпов экономического роста в США, но в целом сохраняющееся

				экономическое лидерство США в мире.
5.	Показатели потребления хлеба и зерновых на человека.	СССР (1990 г.) – 164 кг., США (1990 г.) – 108,8 кг.	Россия (2024 г.) – 86,9 кг., США (2024 г.) – 82 кг.	Значительное снижение степени экономической независимости России в промышленном производстве, компенсирующееся более развитой логистикой и диверсификацией экспортно-импортных потоков. Возрастание степени продовольственной независимости России (по сравнению с СССР) за счет успехов современного сельского хозяйства. Невозможность США с помощью санкций добиться резкого снижения уровня жизни российского населения.
Итог.	Конечное соотношение сил.	СССР – 1+1+1+0+0 = 3 из 5. США – 1+1+1+1+1 = 5 из 5.	Россия – 0+0+0+1+1 = 2 из 5. США – 1+1+1+1+1 = 5 из 5.	Россия – совокупная сила резко упала в п.п. 1–3, значительно возросла и стабилизировалась в п.п. 4–5. США – совокупная сила значительно возросла в п.п. 1–3, незначительно уменьшилась в п.п. 4–5.

Как показал проведенный нами анализ стратегии реалполитики, она включает в себя как

геополитические, так и социально-экономические параметры. К числу геополитических параметров относятся: 1) размер основной территории и степень ее защищенности; 2) наличие и качество союзников; 3) наличие военных баз за границами страны. К числу социально-экономических: 4) уровень валового национального дохода на душу населения (ВНД); 5) уровень потребления хлеба и зерновых. Итоговый баланс указанных параметров определяется конечным соотношением сил. По сравнению с 1990 г., совокупная геополитическая сила (могущество) России в 2022 – 2024 гг. резко упала. При этом, напротив, социально-экономические параметры продемонстрировали явную положительную качественную и количественную динамику по сравнению с показателями СССР.

Таким образом, можно дать следующее определение реалполитики. Реалполитика (реалистическая политика) в современной российской внешней политике представляет собой стратегию достижения политических (в том числе геополитических) целей, исходя из имеющихся у государства реальных экономических и военно-дипломатических возможностей *в данный конкретный исторический период времени, а не из признания исключительности его национальных интересов, которые могут носить более долгосрочный характер.*

Проведенный выше разбор позволяет выявить следующие особенности стратегии реалполитики России в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России.

Анализ стратегии ноополитики. Второй важнейшей дефиницией для анализа особенностей российской внешней политики на современном этапе, особенно в связи с проведением СВО, следует признать термин ноополитик. Если в рамках использования определения реалполитик нам представлялся более удобным сравнительно-исторический метод, то в данном случае предпочтительным выглядит структурно-функциональный подход, позволяющий сравнить позиции непосредственно всех трех участников текущего конфликта на Украине: России, Украины и стран коллективного Запада.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., а особенно после начала СВО в феврале 2022 г. возникла иллюзия возврата к временам существования Советского Союза и Восточного блока. Однако в настоящее время Россия: а) не находится в абсолютной политической изоляции, б) не является страной за «железным занавесом». Также в России, несмотря на призывы определенной части радикально настроенной интеллигенции (например, А. Дугина), не отмечено восстановление какой-либо формы идеократии. Статья 13 Конституции РФ остается незыблемой. Тем не менее в определенный период проведения СВО, особенно после некорректных и провокационных заявлений бывшего президента США Д. Байдена в адрес действующего российского руководителя В. В. Путина, политики ужесточения санкций, решений так называемого «международного уголовного суда» (МУС), у части общественных деятелей сложилось мнение о необратимом характере изоляции России. Предполагалось, что поддержка Украины и в частности администрации В. А. Зеленского будет только возрастать, а изоляция В. В. Путина усиливаться. Аналитики отмечали кардинальную перестройку международных отношений, заключавшуюся в том, что даже Швеция, в течение двух столетий придерживавшаяся позиции строгого нейтралитета, вступила в военно-политический блок НАТО. С геополитической точки зрения это означало начало

фактической ревизии не только того баланса сил, который сложился после 1991 г., но и гораздо ранее, в результате получения Россией выхода к Балтийскому морю в начале XVIII в. и по итогам Русско-шведской войны 1808 – 1809 гг. Вновь, хотя на неофициальном уровне, стали звучать призывы к тому, чтобы удалить Россию из Европы, поставив под сомнение ее обладание Крымом и даже Калининградской областью. Более того, например в Эстонии, было высказано предложение о том, что следует ограничить плавание российских судов в Балтийском море.

Тем не менее, несмотря на беспрецедентное давление, администрация российского президента В. В. Путина обнаружила высокую степень выдержки и ответственности, не поддавшись эмоциональным ответным действиям и заявлениям, сопряженным, например, с полным разрывом отношений с США, дальнейшей эскалацией напряженности, повышением «ставок» во внешнеполитической игре.

Констатируя факт прекращения традиционных российско-американских связей, руководство России не раз подчеркивало, что всегда сохраняет готовность к прямому диалогу между двумя мировыми сверхдержавами и при этом выражает сожаление о недопустимо низком уровне отношений с США, продолжает уважительно относиться к национальным интересам и безопасности Соединенных Штатов, Сирийской республики (после свержения дружественного режима Б. Асада) и даже тех стран ЕС, которые проводят открыто недружественную, враждебную политику в отношении России.

С приходом администрации нового президента Д. Трампа, данный расчет российского правительства показал свою полную состоятельность и соответствие самым высоким критериям принципов *ноополитик как «мягкой» силы*. В первой половине февраля 2025 г., почти сразу после инаугурации Д. Трампа и передачи дел прежней администрацией, начались прямые российско-американские контакты на самом высшем уровне. Новым президентом США Д. Трампом было специально отмечено, что Россия никогда не теряла уважения к его стране, даже если благодаря действиям некоторых политиков имела право на своеобразные контрмеры. Президент США также отметил, что Россия В. В. Путина могла бы использовать свой арсенал для полного уничтожения Украины, однако не сделала этого. Здесь, вероятно, Д. Трамп имел в виду приверженность России одному из принципов *ноополитик*, согласно которому всегда следует отдавать приоритет не «жесткой», а «мягкой» силе.

Действительно, следует согласиться с тем, что российское руководство обнаружило высокую степень профессионализма, давая понять, что не воюет против Украины, но реально проводит специальную военную операцию, заключающуюся в точечном нанесении поражений вооруженным силам противника, военным объектам, избегая массовых разрушений гражданской сферы. Тем самым Россия продемонстрировала, что ставит во главу угла не грубую силу, а стремление показать населению Украины, что никогда не рассматривала Украину как чужое государство, а его население как чужое население. Об этом в настоящее время, например, может свидетельствовать информация агентства Reuters о том, что Россия готова финансировать восстановление разрушенной в ходе конфликта инфраструктуры (причем не только в вошедших в состав России новых регионах).

Таким образом, оценивая современное состояние международных отношений через понятие *ноополитики*, следует выделить следующий параметр: наличие политической идеологии у сторон. В виду того, что в странах коллективного Запада, по крайней мере с конца 1970-х гг., сложно вести речь о какой-либо четко выраженной идеологии, следует сравнить наличие идеологических императивов у России и Украины.

На первый взгляд, и Россия, и Украина придерживаются одинакового отказа от обязательной господствующей политической идеологии. Этот принцип зафиксирован в конституциях обеих стран. Однако та же украинская конституция дополняется пунктом, в котором фактически провозглашается курс на создание геополитической угрозы России путем отказа от нейтрального и внеблокового статуса, разрыв со странами СНГ в форме заявленного стремления к вхождению в ЕС и НАТО (ст. 85). Дополнительно обращает на себя внимание тот факт, что, например, в России отсутствуют нацистские лозунги или те, которые могли бы быть интерпретированы таковыми. Иногда применяющееся на территории проведения СВО приветствие «Слава России!» не только не носит официального статуса, но зачастую не воспринимается населением. Так, по результатам проведенного опроса, лозунг «Слава России!» набрал меньше всего голосов (17%), уступив место другим лозунгам, где упор делался не на прославление страны Россия, а, скорее, на пожелание ее процветания. Например, «Да здравствует, Россия!» (61%) [\[21\]](#). По мнению немецкого историка К. Струве, лозунг «Слава Украине!» первоначально использовался украинскими националистами. Его официальное признание (с 2018 г. как официального приветствия в полиции и армии) было инициировано «сверху» и в настоящее время выражает именно националистический нарратив, формируя государственную политику Украины [\[30\]](#).

Тем не менее, по данным YandexGPT, одной из важнейших функций медиа выступает идеологическая, заключающаяся в помощи в «социализации личности, освоении определенного опыта, знаний, норм и традиций» (Нейро, 2025). Следует признать, что если структурный элемент «наличие политической идеологии» на Украине и в странах коллективного Запада в форме приверженности идеям национализма и государства-нации работает в полном объеме, осуществляет свой функционал, то в российской ноополитической стратегии он является «выключенным», недействующим.

Еще одним маркером ноополитик в нынешних внешнеполитических условиях выступает привлекательный внешний образ страны. Как и в случае с наличием политической идеологии, позиция стран коллективного Запада в этом смысле отличается известной инерционностью. В виду особенностей политической истории второй половины XX в. – первой четверти XXI в., ни ЕС, ни США не приходится «доказывать» преимущества своей общественной системы. Традиционно на коллективный Запад продолжают работать не только превознесение «западного» образа жизни, пропаганда преимуществ «европейской» цивилизации (культурный европоцентризм), но и наблюдаемое с начала 1990-х гг. возвращение к образу защитника модернизирующихся народов, ведущих борьбу с деспотическими и архаическими режимами. Например, еще в 1993 г. была опубликована своеобразная «методичка» Д. Шарпа, также называемая «библией оранжевой революции» [\[24\]](#). При этом уже с начала 2000-х гг. имеет место разочарованность европейских элит США и необходимость, по мнению Г.-П. Мартина и Х. Шумана строить объединенную Европу с рынком из полумиллиарда человек [\[13, с. 307\]](#). Выйдя победителем из «холодной войны» коллективный Запад как бы по умолчанию получил имиджевое алиби. В то же время России, как в свое время СССР, вновь приходится работать над привлекательным внешним образом страны, в значительной степени оказавшимся дискредитированным как в советский период, так и в период геополитического и социально-экономического острого кризиса 1990-х гг. XX в.

Согласно YandexGPT, креативно-интеграционная функция медиа заключается в расширении «познаний о мире с разных точек зрения, адаптации человека к окружающей среде», а также в объединении «государств, стран и народов, помощи во

взаимопонимании разных культур и традиций» (Нейро, 2025). В данном случае стоит отметить, что все три стороны конфликта (Россия, Украина, коллективный Запад) активно используют указанный функционал.

Стоит обратить внимание на то, что Россия и Украина избрали диаметрально противоположные стратегии после 2014 г. Если до переворота, приведшего к власти нынешнюю политическую элиту в Киеве, Россия и Украина позиционировали себя как постсоветские республики, открывающиеся миру, то впоследствии Россия сделала упор на преемственность с образом СССР и дореволюционной России. Украина, не имеющая глубоких корней государственности (или конструирующая ее из фантомных квазиисторических «Киевской Руси» и «казацкой Украины») стала пропагандировать себя как часть Европы, противостоящая агрессивной вековой деспотической России.

По нашему мнению, обеими сторонами здесь были допущены ошибки. Например, не всегда с позиции концепции ноополитик как «мягкой» силы может быть оправданной апелляция России к своему ядерному арсеналу, образу самого крупного хищного млекопитающего в Европе (бурого медведя), хотя бы даже этот анималистический код имел культурно-исторические корни и прочно бы ассоциировался со страной. Если позиция России в некоторых случаях представляется несколько маскулинной, то позиция Украины – заведомо подчиненной, слабо вписывающейся в традиционный восточнославянский образ не знающей никаких хозяев «Русской земли». Тем не менее пока Украине удастся создать более привлекательный для мира символ страны в образе якобы страдающей от насильника прекрасной женщины (см., например, многочисленные акции украинских феминисток по всему миру).

Еще одним параметром, характеризующим следование принципам ноополитик в современных условиях, мы бы назвали дипломатические качества политического руководства. Выше уже было указано на то, что Россия, несмотря на беспрецедентное внешнее давление и откровенные провокации, проявила максимум дипломатической выдержки и такта. В частности: 1) не были свернуты и разрушены механизмы Совбеза ООН, а также прерваны дипломатические отношения даже с теми странами, которые фактически осуществляли акты вооруженной агрессии против России; 2) при имевшейся военной возможности не был использован весь арсенал обычного стратегического оружия для создания масштабных разрушений гражданской инфраструктуры на Украине; 3) Россия последовательно воздерживалась от шумных пиар-акций в том числе в ответ на провокационные действия не только украинской, европейской, но, в первую очередь, американской стороны в период президентства Д. Байдена; 4) Россия продолжила посылать сигналы Западу о том, что готова к разумным компромиссам и соглашениям на основе принципа признания «реалий на земле»; 5) несмотря на призывы радикально-патриотических кругов, администрация В. В. Путина дала понять, что не стремится к уничтожению существования Украины как суверенного государства и признает весь комплекс базовых международных соглашений, заключенных начиная с 1991 г. При этом, даже осознавая несправедливость многих из подписанных и принятых в период президентства Б. Н. Ельцина документов, Россия ни в одном официальном заявлении не провозгласила стремления «реставрировать» СССР или Российскую империю.

Таким образом, следует признать, что посредническая функция, заключающаяся «в установлении контактов между различными социальными группами» (Нейро, 2025), с точки зрения дипломатических качеств политического руководства страны, в рамках ноополитической стратегии реализуется Россией максимально полно и эффективно.

Главные возражения некоторых общественных деятелей, например, Д. Л. Быкова

(признан иноагентом в РФ), состоят в том, что якобы Россия, испытав отрезвление, поняв свою слабость, вынуждено пытается быть сдержанной и миролюбивой. Тем не менее является историческим фактом то, что в 2014 г. Россия имела возможность взять под контроль территорию всей Украины, включая государственную границу с Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией, однако не сделала этого, очевидно не желая обрушивать в одностороннем порядке сложившийся в 1991 – 1994 гг. мировой порядок.

Разительный контраст между поведением глав государств России и Украины наглядно проиллюстрировал скандал, разразившийся в ходе визита В. А. Зеленского в Белый дом 28 февраля 2025 г., связанный не столько с провалом переговоров, сколько с вопиющим нарушением дипломатической этики. Но и в этом случае главные российские официальные лица сохранили необходимую выдержку. Например, В. В. Путин никак не высказался о стиле ведения переговоров своим визави. В целом, самонадеянное и недипломатичное поведение В. А. Зеленского не пошло на пользу укрепления внешнеполитической позиции Украины.

На фоне этого Россия продолжила политику совмещения применения необходимой прямой военной силы с «мягкой» силой. Последняя, очевидно, включает в себя элементы: а) создания импортозамещающих кластеров в экономике; б) поддержку науки и образования; в) использование возможностей информационно-сетевых технологий.

Возможно, впервые с начала XX в. Россия не стала становиться по-настоящему закрытой страной и сама выступила источником всевозможных нарративов, иногда носящих крайне неформальный характер (например, трансляция в соцсетях ролика «Сигма бой»). Это не могло вызывать беспокойства у определенных кругов на Западе, постоянно подталкивающих Россию к традиционным ответам: объявлению полномасштабной тотальной войны, созданию жесткой идеологии, «завинчиванию гаек», тотальной цензуре, поиску «друзей» и т.п.

С. Б. Никонов последовательно выделяет следующие составные функциональные уровни ноополитических медиа: 1) гипертекстовый уровень (заголовки, ссылки на другие материалы); 2) мультимедийный уровень (фото и видеоизображения); 3) интерактивный уровень (комментарии пользователей) [\[18, с. 113-115\]](#). Тем не менее сложно согласиться с утверждением А. В. Байчик, С. Б. Никонова о том, что «информационная операция быстротечна» потому что прежняя информация быстро «затирается» новой или информационным шумом [\[1, с. 207-208\]](#). Возможно, неточность вывода авторов проистекает от того, что они анализировали преимущественно мирный период российской внешней политики. Ход нынешней СВО демонстрирует довольно протяженные (с начала 2022 г.) пиар-акции как со стороны Украины, так и со стороны России.

Наиболее объективным и в то же время как бы суммирующим четыре вышеуказанных параметра (наличие политической идеологии; привлекательный внешний образ страны; дипломатические способности лидеров; наличие «раскрученных» информресурсов) нам представляется последний показатель, то есть присутствие влиятельных, охватывающих максимальную половозрастную активную аудиторию, медиа. Важность данного показателя диктуется тем обстоятельством, что сама суть ноополитик предполагает активное использование современных медиа, прежде всего интернет-ресурсов, социальных сетей, различных коммуникационных программ, поисковых служб и т.д. В условиях СВО как никогда большое распространение получили не официальные каналы информации, а медиасфера, сообщения различных блогеров, формирующих состав, качество и количество акторов происходящей *информационной войны*. Часто возникает ситуация, когда сообщения военкоров и блогеров оказывались гораздо полнее, точнее

и, самое главное, свежее той картины, которую сообщали традиционные СМИ. По мнению современных исследователей, новые медиа превратились в оперативный «источник фото- и видеоконтента с места событий», когда возможность онлайн-трансляций заметно чаще используется в проведении различных политических мероприятий, в том числе для передачи наиболее актуальной, «свежей» информации [5, с. 165].

Согласно YandexGPT, среди функций медиа дополнительно выделяется просветительно-справочная функция, выражающаяся в публикации «полезного контента, который повышает уровень образованности аудитории в рамках определенного сегмента рынка», а также обеспечивает «удовлетворение информационных запросов пользователей относительно продукции, которую предлагает бренд» (Нейро, 2025).

Оценка российского, украинского и западного функционалов при анализе «своих» медиа носит противоречивый характер. Как константу следует принять безусловное лидерство англоязычного, то есть управляемого странами коллективного Запада контента. Несмотря на факты взаимных блокировок различных медиа, в том числе в США, само число и массовость соответствующих площадок заведомо ставит страны Запада в выигрышную позицию. Вещаящий на английском языке и рассчитанный на англоязычную аудиторию, телеканал RT (ранее Russia Today) был признан на Западе пропагандистским. Его вещание после февраля 2022 г. было парализовано в странах ЕС и США. В условиях СВО, и в России, и на Украине значительно возросло число заблокированных решениями властных органов (в нарушение конституций обеих стран) интернет-ресурсов. Хотя блокировка во многих случаях носит неполный характер и достаточно легко обходится путем использования соответствующих специальных программ, тем не менее надо признать, что позиция России в целом носит оборонительный, а значит в стратегическом или по крайней мере в тактическом отношении проигрышный характер. Благодаря поддержке коллективного Запада, Украине в целом удалось сделать своим информационным оружием такие мощные сетевые проекты как «Википедия»*, YouTube*, Facebook* и Google* (здесь и далее, если отмечено знаком*, ресурс признан в РФ иностранным, нарушающим законодательство, экстремистским или запрещен). Единственным пока успешным российским контрресурсом следует признать социальную сеть ВК, а также, с оговорками, мессенджер Telegram* (в значительной мере аналог WhatsApp*, но не в части, например, видеозвонков и проведения конференций). Хотя Telegram* и имеет российское происхождение, в настоящее время его сервера и головной офис находятся вне России.

По данным аналитической компании Mediascope, в результате блокировки в России Facebook* и Instagram* произошло увеличение аудитории социальной сети ВК. Число пользователей Facebook* уменьшилось с января по июль 2022 г. в восемь раз, а Instagram* почти в четыре раза. Наибольшую выгоду из сложившегося положения вещей извлек Telegram*. Суточная аудитория данного ресурса в России возросла за полгода на 66%, до 41, 5 млн. человек [5, с. 165].

Хотя политтехнологи отмечают, что ряд Telegram-каналов* перестал восприниматься аудиторией всерьез, в виду увеличения числа недостоверной, фейковой информации, в целом Telegram как медиаресурс сохраняет свое лидерство. При этом все большую популярность получают сервисы, основанные на визуальном контенте: «Яндекс Дзен», Rutube, YouTube* и Instagram*. Исследователи данный факт объясняют тем, что большинство людей являются визуалами, лучше воспринимающими действительность через картинку, видео, а не через текст [5, с. 166–167].

В последнее время во внешней политике резко возрастает значимость постов и заявлений высших должностных лиц государств, размещаемых исключительно в сети. Например, в ходе продолжающейся словесной пикировки между президентом Д. Трампом и В. А. Зеленским первый регулярно использует собственную социальную сеть Truth Social для ироничных комментариев к громким заявлениям украинского лидера. При этом следует отметить, что В. В. Путин до сих пор не имеет своего медиаресурса и даже аккаунта в интернете, объясняя данную ситуацию своей большой загруженностью. Такая позиция явно не вписывается в концепцию ноополитик. Не будет большим преувеличением сказать, что политический субъект не существует в ноополитике как актер, если не имеет своей виртуальной «копии». Хотя нежелание В. В. Путина иметь сетевой аккаунт может объясняться вопросами безопасности и консервативными убеждениями президента, в условиях все возрастающей роли интернет-ресурсов подобная тактика вряд ли будет способствовать продвижению точки зрения самого В. В. Путина, ее популяризации, в том числе среди молодежи.

Слабой стороной российских медиа остается отсутствие полноценного аналога «Википедии»* хотя бы в части информации связанной с Россией. Имеющиеся функциональные проблемы у ряда российских платформ. Например, проведение видеоконференций и видеозвонков в ВК и Telegram* по-прежнему остается менее удобным, чем в Zoom* и WatsApp*. Видеохостинг Rutube из-за непродуманной рекламной составляющей и малой наполненности контентом явно проигрывает YouTube* в популярности и охвате аудитории, особенно зарубежной. К числу достижений российских медиа следует отнести резкое снижение популярности в России социальной сети Facebook*, поисковика Google* и усиление позиций ВК, Telegram* и Yandex*.

Таблица 2. Стратегия ноополитики. Анализ эффективности проведения сторонами конфликта информационной войны в период СВО.

Параметр	Россия	Украина	Коллективный Запад
Наличие политической идеологии. Идеологическая функция.	Отказ России от государственной идеологии, переход к «мягким», опосредованным формам проведения государственной и национальной политики. См.: ст. 13, п. 1 и 2 Конституции РФ. Признание ценности многообразия культур, цивилизаций и отказ навязывания	Отказ Украины от государственной идеологии. См.: ст. 15, п. 1 и 2 Конституции Украины. Указание на стратегический внешнеполитический курс по вступлению в ЕС и НАТО. См. с. 85. п. 5. Воинствующий национализм, граничащий с нацизмом, вопреки ст. 10 и 11 Конституции Украины (см. имеющиеся официальный или	Поддержка идеи государства-нации.

	«идеологических и ценностных установок». См. Разд. 4. «Концепции внешней политики РФ». Отсутствие «нацистских» лозунгов и официального статуса приветствия «Слава России!».	полуофициальный статус лозунги: «Слава Украине!», «Украина превыше всего!»).	
Привлекательный внешний образ страны. Креативно-интегративная функция.	Бурый медведь в качестве символа правящей политической партии «Единая Россия». Подчеркивание возможности применения Россией сил стратегического ядерного сдерживания. Изменения в доктрине «Ядерной безопасности России», заключающиеся в расширении возможности применения ядерного оружия. См. Разд. 3. п. 18.	Тиражируемый украинскими активистами и главным образом европейскими СМИ образ Украины как «жертвы агрессивного соседа», государства, сражающегося за «свободу Европы и мира». Представление Украины в образе страдающей, подвергающейся насилию, женщины.	Превознесение «западного» образа жизни, пропаганда преимуществ «европейской» цивилизации. Возвращение к образу защитника модернизирующихся народов, ведущих борьбу с деспотическими и архаическими режимами.
Дипломатические качества политического руководства. Посредническая функция.	Строгое соблюдение российскими высшими должностными лицами норм дипломатического протокола.	Вызывающее нарушение украинскими высшими должностными лицами норм дипломатического протокола.	Не имеющий аналогов в новейшей истории дипломатический скандал в отношениях между США и Украиной.
Наличие «раскрученных»	Достаточно условная	Более успешная блокировка	Лидерство англоязычных

(т.е. влиятельных, охватывающих максимальную половозрастную активную аудиторию) информационных ресурсов. Просветительско-справочная функция.	блокировка враждебных России и ее правительству ресурсов. Свободный доступ российских пользователей «Википедии»*, Google*, WhatsApp*. Ограниченный (но возможный) через использование специальных программ YouTube*, Facebook*). Удачная попытка замены западных интернет-продуктов ресурсами службы Mail.ru, поисковой сетью Yandex, социальной сетью ВК. Недостаточная популярность Rutube. Невозможность полной замены YouTube* и WhatsApp*.	«враждебных» режиму ресурсов из-за большей националистической сплоченности общества фактического кразгрома «пророссийской» оппозиции до 2022 г. Стремление снизить использование украинцами социальной сети ВК, эффективное использование ресурсов «Википедии»*, YouTube*, Facebook* для пропаганды точки зрения украинских властей на характер и ход СВО.	сетевых информационных ресурсов: «Википедия»*, YouTube*, WhatsApp*, Facebook* Google*.
Итоговая эффективность.	ВК ++ Yandex ++ Mail.ru ++ Rutube + YouTube* - - Google* - Telegram* ++	ВК - - Yandex - + Mail.ru - - Rutube - YouTube* + + Google* + Telegram* - +	YouTube* + + Google* + Telegram* - + Zoom* + Facebook* + + (Блокировка RT).

Zoom* –	Zoom* +	
Facebook* – –	Facebook* + +	
«Царьград» (на февраль 2025 г.)	УНИАН* (на февраль 2025 г.)	
– число просмотров на YouTube*	число просмотров на YouTube*	
398 993 927.	– 5 273 765).	
Примечание: + (положительный эффект), – (отрицательный эффект).		
«Новороссия» (на декабрь 2024 г.)		
число просмотров в Rutube – более 22 млн.		

Отдельного внимания заслуживают информационные каналы: российские «Царьград» и «Новороссия» (представленные в основном на платформах Yandex.dzen и Rutube) и украинский УНИАН* (представлен, помимо основного сайта, на платформе YouTube*). Как показывает изучение полученной с помощью ресурса YandexGPT статистики, число просмотров канала «Царьград» на наиболее популярной и имеющей международное значение платформе YouTube* сильно уступает числу соответствующих просмотров украинского УНИАН* (389 тыс. просмотров против 5 млн. просмотров).

Дополнительно проведенный контент-анализ заголовков материалов интернет-канала «Новороссия» выявил их зачастую провокационный и неблагоприятный в целом для российской стороны характер. Так, зачастую для материалов «Новороссии» характерны провокационные названия. Например: «ВСУ добились главной цели под Курском, готовится второй раунд...» (07.02.25). При этом, как следует из статьи, речь идет о высказывании военблогера Р. Алехина, который пишет, что ВСУ, несмотря на большие потери, удалось добиться незначительного увеличения буферной зоны. Однако данное мнение не только не отражает смысла всей статьи, но и вводит читателей в заблуждение. Так же совершенно неуместен коллаж в начале материала, изображающий прорыв танков под украинскими флагами, и надпись бегущей строкой «наступление на Курск». По некоторым заголовкам невозможно определить, какую из сторон конфликта имел в виду автор статьи. Например, «После звонка Путину весь фронт пришел в движение. Поезда везут войска. Северяне: "Будет новый прорыв. Направление известно"».

Всего нами было проанализировано 96 заголовков материалов. В январе 2025 г. соблюдался практически баланс между негативными и позитивными в отношении ВС РФ статьями. В феврале 2025 г. число позитивных в отношении ВС РФ резко увеличилось и фактически они стали преобладать. Тем не менее почти 2/3 заголовков продолжают сохранять двусмысленный, причем не в пользу российской стороны, характер.

Проведенный анализ ноополитической стратегии России, позволяет предположить, что значительно уступая западным медиа в возможности влияния на мировое общественное мнение, а также на мнение жителей Украины, Россия в меньшей степени, чем ее оппоненты, может использовать возможности манипулирования общественным мнением и создания нужных образов (практическое неиспользование идеологической функции, слабое – креативно-интегративной). Российская стратегия ноополитик пока носит в целом оборонительный, защищающийся характер. Транслирование «своего» контента сильно ограничивается не только блокировкой российских информационных ресурсов на Западе (телеканал RT), но и недостаточным развитием российских аналогов некоторых популярных западных медиаресурсов (нуждающийся в развитии справочно-просветительский функционал). Положительные примеры сравнительно редки, хотя и достаточно эффективны (например, распространение в медиа песни «Сигма бой», ассоциирующейся в «мягкой» силой России).

Таким образом, ноополитику следует определить как глобальную информационную стратегию транслирования определенных идеологических, культурно-исторических нарративов, *в том числе с помощью дипломатического искусства и специальных медиаресурсов.*

Анализ стратегии ноополитики, применительно к российскому внешнеполитическому курсу на современном этапе в условиях проведения СВО, позволил выявить ее следующие особенности: 1) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 2) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов.

Анализ стратегии криптополитики. Мы уже указывали на то, что существующий в литературе термин криптополитика нуждается в уточнении в соответствии с изменившейся повесткой дня. Как мы считаем, под криптополитикой можно понимать не только тайную симпатию к каким-либо политическим идеологиям (коммунизму, нацизму, либерализму и т.д.) при внешнем следовании общепринятым в данном социуме установкам, но и неявное использование различных неофициальных или полуофициальных нарративов, в том числе выстраивающих политическую идентичность. Например, роль советского наследия остается очень значительной при проведении СВО на Украине. К фактам условной эксплуатации прежнего идеологического ресурса можно отнести в том числе использование отдельными частями ВС России красного знамени Победы, апелляцию к победе в Великой Отечественной войне, к единству и дружбе народов в рамках СССР, указание на то, что «декоммунизация» на Украине фактически вылилась в борьбу со всем русским и т.д.

Криптополитическая стратегия, применительно к СВО, на Украине реализуется прежде всего через приверженность скрытой идеологии и использование тайной дипломатии. Приверженность той или иной доктрине (коммунизму, национализму, идеологии «глобализма» и «цветных революций») каждой из сторон (Россией, Украиной, коллективным Западом) часто маскируется. Наиболее значимым и успешным для российской стороны в рамках тайной дипломатии следует признать факт проведения предварительных переговоров между Россией и США в 2025 г. (по заявлению сторон) в Саудовской Аравии. Примером крайне неудачных секретных переговоров и дипломатических шагов для Украины – переговоры с Россией в 2022 г. в Стамбуле и «План победы» В. А. Зеленского. Коллективный Запад в этой ситуации обнаруживает широкий спектр возможностей от попыток отдельных стран Европы строить самостоятельную внешнюю политику, до начала некоторого сближения позиций России и США.

В условиях гораздо более жестоких преследований инакомыслящих на Украине, объясняемых как большей агрессивностью националистической идеологии, так и военным положением, больше значение получает анонимность пользователей сети. Исследователи отмечают, что сама специфика интернет пространства характеризуется виртуальностью, анонимностью и конфиденциальностью [\[5, с. 167\]](#). Зачастую гражданам приходится скрывать свои истинные политические убеждения, чтобы не быть подвергнутыми репрессиям.

Также следует обратить внимание на связь понятий ноополитика и криптополитика. Этим связующим звеном между ними выступают различные медиа, а также понятие политической идентичности. По мнению Д. Матисона, рекламные медиапосылы и дискурсы могут содержать *скрытый* текст [\[14, с. 67\]](#). Политическая идентичность также не является врожденной, а приобретенной, выстраивающейся под внешним воздействием. При этом важно, что зачастую техника, форма донесения информации имеет даже большее значение (в смысле эффективности сообщения), чем собственно сам нарратив [\[14, с. 93, 131\]](#).

Эффективность медиа-дискурса в конечном счете, по мнению исследователей, зависит от умения выстраивать историю, наличия в ней «предыстории», которая формирует у аудитории нужное настроение и облегчает усвоение конечного суждения в виде «научной истины» [\[14, с. 126\]](#). Исходя из данного принципа, следует признать, что России пока, в целом, удавалось выстраивать свою «предысторию» с гораздо меньшим успехом, чем Украине. Так, Украина довольно успешно «приватизировала» историю Руси, используя в качестве государственной символики родовой знак Рюриковичей (так называемый «трезубец»), и в то же время демонизировала своего противника Россию как дочернюю в отношении Киева периферийную цивилизацию. Примером реализации далеко идущей криптоисторической стратегии стал, например, факт замены по требованию украинской диаспоры во Франции в 1996 г. оригинальной надписи под статуей Анны Русской на «Анна Киевская, королева Франции» («Anne de Kiev Reine de France»).

Проведенный нами анализ содержания украинских учебников (5 и 7 классов общеобразовательной школы В. С. Власова, а также В. А. Смолия и В. С. Степанкова) по истории Украины, выявил факты манипулирования историческими фактами. Например, упоминание достижений периода Украинской ССР без всякого указания на то, что это было сделано в составе Советского Союза, активное использование квазиисторического термина «Киевская Русь», замалчивание о целых исторических периодах совместного проживания русских и украинцев в одном государстве, конструирование никогда не существовавших «государств» («Гетманщина»), реабилитация устаревших и ненаучных построений М. Грушевского и т.д. [\[8, с. 158\]](#). К сожалению, в стандартном учебнике по истории России для 6 класса Т.В. Черниковой легендарные сведения о начале истории русского государства практически отсутствуют, либо излагается легендарная история призвания «варяга» Рюрика с Синеусом и Трувором (по контрасту с украинской легендарной версией «своих» Кия, Щека и Хорива), что только еще больше стимулирует распространение «украинского мифа» по присвоению и узурпации наследства Древней Руси [\[15, с. 183-185\]](#). Довольно неудачным образно-отсылочным компонентом в криптополитической стратегии России следует признать использование в качестве государственной символики двуглавого золотого орла, который, в основном, ассоциируется не с «имперским», а допетровским периодом истории России и, таким

образом, легитимизирует в обыденном сознании границы России времен Василия III и Ивана Грозного.

Что касается коллективного Запада, то он по-прежнему с успехом продолжает использовать миф о «западной цивилизации», противостоящей «ордам Востока». Ярким примером использования данного нарратива стало обозначением российских солдат «орками», что является отсылкой к популярной у молодежи эпопее Р. Толкина «Властелин колец» и одноименной кинотрилогии П. Джексона (2001 – 2003 гг.).

В рамках использования медиа-дискурсов следует выделить такой подпараметр как использование специальных политехнологий для продвижения идеологических нарративов. Проведенный выше анализ ноополитической стратегии России показал, что она носит оборонительный, отвечающий, а не наступающий, инициативный характер. В России получила развития выработка своеобразных технологий борьбы с различными формами манипулирования обществом: доктриной «управляемого хаоса», «цветными революциями», «стратегиями не прямых действий», кибертерроризмом и т.п. [\[3, с. 35-82\]](#). При этом отсутствуют аналоги советских и современных западных политических технологий, позволяющих, используя прежде всего креативную молодежь, приводить к власти и поддерживать удобные России политические режимы. Например, в России так и не были сформулированы «свои» «концептуальные основы освобождения» наподобие тех, что содержатся в работе Д. Шарпа. Между тем еще в 1993 г. эта брошюра была неоднократно издана на Украине, где задолго до событий «оранжевого переворота» стала настоящей «библией ненасильственной революции» [\[25\]](#). Характерно, что российское издание 2005 г. работы Д. Шарпа вышло с комментариями правого оппозиционера Э. Лимонова и либерального – И. Яшина (признан иностранным агентом в РФ). Оно до сих пор не получило сколько бы то ни было адекватного российского аналога. Возможно, причиной этого является то, что позиционирующиеся в качестве новых идеологий в России учение евразийцев, учение И. А. Ильина, национал-большевизм (до начала 2000-х гг.), концепция «суверенной демократии» являются либо архаическими, элитарными, либо, в отличие, например, от коммунизма советской эпохи, не пользуются влиянием в западных интеллектуальных кругах [\[12, с. 5-9\]](#). В целом, как и ноополитическая стратегия, криптополитическая стратегия России продолжает носить реагирующий, а не инициативный характер.

Помимо использования медиа-дискурсов с закодированными сообщениями, в рамках стратегии криптополитики необходимо выделить наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив.

В связи со сказанным следует вспомнить, например, такой исторический факт, как предложение В. В. Путина Б. Клинтону подумать над возможным присоединением России к НАТО. По словам президента России, данный разговор имел место на встрече двух президентов еще в 2000 г., то есть в самый пик потепления отношений между двумя сверхдержавами. Считается, что указанная альтернатива была невозможна, поскольку Россия в этом случае выступила бы троянским конем, ставя целью не реальное присоединение к североатлантическому альянсу, а саботаж его деятельности, подрыв изнутри. Кроме того следует учитывать недовольство восточных европейцев и некоторых бывших советских республик, которые до сих пор считают, что «заслужили» членство в престижном военном блоке, а Россия, как преемник угнетавшей их империи, нет.

Тем не менее представляется сомнительным, что Россия смогла бы подорвать единство НАТО, даже став его полноправным членом. Для этого ей бы вначале пришлось пройти

через значительную трансформацию вооруженных сил, экономики, фактически добровольно расстаться с частью внешнеполитического суверенитета. Хотя, действительно, как отмечает К. Вег, не существует статьи, по которой государство может быть исключено из североатлантического договора даже за нарушение его правил, очевидно, что такое исключение, согласно статье 8 «Вашингтонского договора» 1949 г., все же может состояться после соответствующих консультаций [\[35\]](#).

В любом случае, очевидно, что не существует никаких доказательств и свидетельств того, что даже гипотетическая возможность вступления в НАТО России когда-либо и кем-либо рассматривалась как серьезная политическая альтернатива. Сам смысл существования североатлантического договора изначально заключался в противостоянии влиянию сперва Советского Союза, а потом России в Европе в условиях мира после разгрома военно-политической и идеологической машины нацизма.

Также стоит указать на описанное И. Валлерстайном и С. Амином новое постимпериалистическое устройство мира. Оно заключается в существовании центра, полупериферии и периферии. России, как наиболее ярко выраженной полупериферии, здесь не предоставлено право быть участником привилегированного клуба стран «золотого миллиарда», поскольку это противоречит самой логике системы, обеспечивающей более высокий уровень жизни в государствах капиталистического центра за счет экономической эксплуатации всего остального мира. Более того, можно предположить, что в каком-то виде участие России в НАТО действительно бы состоялось, но могло означать на самом деле попадание в некое новое гетто [\[2, с. 85\]](#). Так, известно, что администрация Д. Байдена определила круг государств, с которыми США могут наиболее активно делиться важными технологиями (категория стран Т.1). Ни одна восточноевропейская страна и тем более ни одна из бывших советских республик в «престижную» категорию Т.1. не попала.

Ряд общественных деятелей, например Д. Л. Быков (признан иноагентом в РФ), делают заявления в том роде, что наметившееся в последнее время сближение позиций США и России имеет чисто ситуативный, случайный характер, объясняемый «волютаризмом» Д. Трампа, а также о том, что в России нет единства в обществе по поводу внешней политики государства. Д. Л. Быков (признан иноагентом в РФ) считает, что молодежь России уже думает по-другому и не мечтает о восстановлении «империи». Нам кажется, что здесь стоит говорить скорее об ощущении растерянности релокантов от того факта, что антироссийский фронт оказался не однородным и бесконечным во времени, и что потерпели неудачу собственные планы релокантов вернуться в Россию на правах модераторов, облеченных властью судить сделавших «неверный» выбор россиян. Так, по данным Левады-центра (признан иноагентом в РФ), поддержка СВО среди молодежи (лиц до 24 лет) в январе 2025 составил 65%, что никак нельзя признать низким показателем [\[11\]](#).

Таблица 3. Стратегия криптополитики. Анализ степени приверженности принципам криптополитики.

Параметры криптополитики	Россия	Украина	Коллективный Запад
1. Приверженность скрытой идеологии. Идеологическая	Коммунизм, социализм.	Национализм.	Идеология «глобализма»; идеология «цветных

функция.			революций».
2. Использование тайной дипломатии. Посредническая функция.	Проведение в целом успешных предварительных переговоров между Россией и США в 2025 г. (по заявлению сторон) в Саудовской Аравии.	«План победы» В.А. Зеленского (фактически был разглашен). Проведение неудачных переговоров с Россией (в 2022 г.) в Стамбуле.	Проведение Словакией и Венгрией «своего курса». Попытки Великобритании, Франции и Германии выстраивать отдельную от США политику в отношении России и Украины. Стремление США работать напрямую с Россией.
3. Использование медиа-дискурсов с закодированными сообщениями. В том числе использование специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов. Креативно-интегративная функция.	Отказ от конструирования «своего» исторического мифа о Руси (в школьных учебниках), продолжение эксплуатации мифа о «призвании варягов», использование в качестве государственной символики золотистого двуглавого орла допетровской Руси. Примеры использования специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов отсутствуют.	Конструирование украинской «версии» истории Руси (в школьных учебниках). Использование родового знака Рюриковичей в качестве государственной символики, присваивание наследства Древней Руси. Активное использование специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов. См. книгу Д. Шарпа «От диктатуры к демократии».	Миф о «западной цивилизации», противостоящей «ордам Востока». Генерация «методичек» по установлению выгодных Западу политических режимов. См. книгу Д. Шарпа «От диктатуры к демократии».
4. Наличие	Россия – член	Украина – член ЕС	Концепция

исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив. Футуристическая функция.	НАТО, ассоциированный участник НАТО. Россия политический лидер постсоветском пространстве возрождающаяся сверхдержава. Возможность реализации одной из альтернатив.	НАТО, кандидат. Украина –нейтральное государство на гарантиями территориальной инеприкосновенности. Ни одна из альтернатив является вероятно возможной.	член Европы от Атлантики до Урала (или до Владивостока), закрывающаяся с «особых» отношениях Европы и России. Возвращение к двухполярному миру (Россия/США) или установление режима трехполярного мира (с третьей силой в лице Ирана, Китая, Индии и стран ШОС и БРИКС).
5. Итог.	Высокая степень приверженности криптополитике по п. 2, низкая по п. 1, 3, 4.	Высокая степень приверженности криптополитике по п. 1, 3, 4, низкая по п. 2.	Высокая степень приверженности криптополитике по всем п. 1 –4.

Таким образом, в рамках анализа стратегии криптополитики России, нами были выделены следующие ее структурные и функциональные элементы: 1) приверженность скрытой идеологии (идеологическая функция); 2) использование тайной дипломатии (посредническая функция); 3) использование медиа-дискурсов с закодированными сообщениями (интегративно-креативная функция); 4) наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив (футуристическая функция). Выше, в рамках анализа ноополитической стратегии России, нами уже были даны определения идеологической, а также посреднической и интегративно-креативной функций. В данном случае следует охарактеризовать функцию, которую мы бы определили как футуристическую. Согласно результатам поискового запроса с использованием базы YandexGPT, данная функция выделяется только «в контексте футуризма как художественного направления» и характеризуется как деятельность по приближению «техногенной эпохи с социально активной творческой личностью в центре» (Нейро, 2025). Таким образом, в политическом выражении футуристическую функцию следует считать способностью субъектов политики проецировать свои усилия на реализацию различных альтернатив как в отдаленной, так и в ближайшей исторической перспективе.

Как показал анализ криптополитической стратегии России, в условиях СВО она достаточно успешно реализуется в плане использования средств тайной дипломатии, но при этом сильно уступает криптополитическим стратегиям оппонентов (Украине и коллективному Западу) в плане приверженности тайной идеологии, использования медиа-дискурсов с закодированными сообщениями. То есть посреднический функционал

российской внешней политикой оказывается задействованным полностью, в то время как идеологический и интегративно-креативный явно недостаточно. Тем не менее России, в отличие от Украины, в целом пока удастся проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период, пытаясь реализовывать самые разные исторические альтернативы и, тем самым, эффективно реализовывать футуристический функционал.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем определение криптополитики. Стратегия криптополитики в создавшихся условиях противостояния России коллективному Западу есть стратегия, *выражающаяся не только в тайной приверженности той или иной политической идеологии, но и в различных медиа-дискурсах, частным случаем которых выступают, например, секретные, скрытые от широких масс закодированные сообщения, переговоры (тайная дипломатия), а также различные политические альтернативы, в том числе и те, которые не реализовались, но еще могут реализоваться при выполнении тех или иных условий.*

Сказанное позволяет выделить следующие особенности российской криптополитической стратегии на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 2) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Заключение.

Проведенный комплексный анализ стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, позволил выделить их структурные и функциональные элементы, уточнить имеющиеся в литературе определения данных дефиниций.

Реалполитика (реалистическая политика) в современной российской внешней политике представляет собой стратегию достижения политических (в том числе геополитических) целей, исходя из имеющихся у государства реальных экономических и военно-дипломатических возможностей в данный конкретный исторический период времени, а не из признания исключительности его национальных интересов, которые могут носить более долгосрочный характер.

Ноополитику следует определить как глобальную информационную стратегию транслирования определенных идеологических, культурно-исторических нарративов, в том числе с помощью дипломатического искусства и специальных медиаресурсов.

Стратегия криптополитики в создавшихся условиях противостояния России коллективному Западу может выражаться не только в тайной приверженности той или иной политической идеологии, но и в различных медиа-дискурсах, частным случаем которых выступают, например, секретные, скрытые от широких масс закодированные сообщения, переговоры (тайная дипломатия), а также различные политические альтернативы, в том числе и те, которые не реализовались, но еще могут реализоваться при выполнении тех или иных условий.

На основании уточненных понятий реалполитики, ноополитики и впервые сформулированного в науке качественно нового определения криптополитики, нами были выявлены *следующие особенности российской внешней политики в условиях СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся*

характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Библиография

1. Байчик А.В., Никонов С.Б. Ноополитика как глобальная информационная стратегия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 9. Выпуск I. С. 207-213.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общ. ред. канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Издательство "Университетская книга", 2001. 416 с.
3. Воронова О.К. Информационно-психологическая безопасность России в условиях новых глобальных угроз. М.: Издательство "Аксепт-Пресс", 2019. 240 с.
4. Гаджиев Г.А. Realpolitik, эскабродство, конституционная политика и русская культурно-этническая традиция // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачев. науч. чтения, 17-18 мая 2012 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. Доклады Диалог культур в условиях глобализации. Т. 1. 499 с. С. 55-58.
5. Го Ч. Новые медиа в информационном пространстве России: проблемы и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4. С. 162-169. DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019
6. Зишан М. Формируется ли на Востоке новый блок Россия-Китай-Индия? // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/20230407/vostok-261991119.html> (дата обращения: 23.02.2025)
7. Зубов В.В. Немецкая доктрина "realpolitik" сквозь призму современной мировой политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(1). С. 100-107. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107
8. Иликаев А.С. Этнополитические аспекты педагогической коммуникации: политическая мифологизация вопроса о возникновении Руси в украинских учебниках истории // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 154-159.
9. Калугина Е.Г., Никонов С.Б. Ноополитика и интернет-СМИ: информационное противостояние в сетевом пространстве: монография. М.: РУДН, 2020. 287 с.
10. Князева Д.Д. Потребление хлеба и хлебобулочных изделий в Российской Федерации // Наука без границ. 2021. № 3. С. 67-73.
11. Конфликт с Украиной в декабре 2024 года: внимание, поддержка, отношение к переговорам, эмоциональный настрой. Левада-центр. (Материал произведен иностранным агентом). URL: <https://www.levada.ru/2025/01/13/konflikt-s-ukrainoj-v-dekabre-2024-goda-vnimanie-podderzhka-otnoshenie-k-peregovoram-emotsionalnyj-nastroy/> (дата обращения: 23.02.2025)
12. Лукманов Х.Х., Иликаев А.С. О суверенной демократии: опыт критического прочтения одной политико-правовой доктрины // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 2 (20). С. 5-9.
13. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. Пер. с немец. М.: Издательский Дом "Альпина", 2001. 335 с.
14. Матисон А. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Пер. с англ. Харьков: "Гуманитарный центр", 2013. 264 с.
15. Миннихметова А.А., Иликаев А.С. Современный российский школьный курс истории как фундамент преподавания общественно-политических дисциплин в вузе // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XV Всероссийской научно-

практической конференции. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 182-185.

16. Нейро. YandexGPT (версия от 16 апреля 2024) [сервис для поиска информации в интернете с помощью искусственного интеллекта]. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=172> (дата обращения: 23.02.2025)

17. Никонов С.Б. Генезис трансформации медиакратии в ноополитику // Власть. 2014. № 7. С. 39-42.

18. Никонов С.Б. Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств: диссертация... доктора политических наук. Санкт-Петербург, 2020. 545 с.

19. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. 701 с.

20. Российская политическая наука: в 5 т. Т. 5: 1995-2006 гг. / под общ. ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 1000 с.

21. "Слава России" и "Да здравствует Россия" - большая разница! Что выбрать? // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511/4773968/> (дата обращения: 02.03.2025)

22. Стецко Е.В. Американские неправительственные организации: их виды, роль и оценка влияния на формирование гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 49-54.

23. Субботина О.А., Пасиковская В.Р. Ноополитическая стратегия: механизмы конструирования информационной повестки (опыт исследования зарубежных и российских медиатекстов накануне специальной военной операции) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 149-164.

24. Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь: Учебное пособие / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 248 с.

25. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Антипутч. Пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

26. Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. Santa Monica: RAND, 1999. 102 p.

27. Gati Ch. Zbig: The Strategy and Statecraft of Zbigniew Brzezinski. Baltimore: JHU Press, 2013. 253 p.

28. Gilbert M.J. A Century of Revolution: Insurgent and Counterinsurgent Violence during Latin America's Cold War. American Encounters Global Interactions. Grandin & Joseph, Greg & Gilbert. Durham, NC: Duke University Press, 2010. 456 p.

29. Haslam J. No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. London: Yale University Press, 2002. 272 p.

30. Kaniewski D. New "Glory to Ukraine" army chant invokes nationalist past // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/new-glory-to-ukraine-army-chant-invokes-nationalist-past/a-45215538>

31. McMahon R.J. The Limits of Empire: The United States and Southeast Asia since World War II. New York: Columbia University Press, 1999. 276 p.

32. Morgenthau H., Thompson K. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. New York: Knopf, Distributed by Random House, 1985. 688 p.

33. Russia and Eritrea Ink Deal to Build a Logistic Base in the Horn of Africa Country // Strategic Intelligence. URL: <https://intelligencebriefs.com/russia-and-eritrea-ink-deal-to-build-a-logistic-base-in-the-horn-of-africa-country>

34. Shtromas A. Totalitarianism and the Prospects for World Order: Closing the Door on the Twentieth Century. Lanham, Md.: Lexington Books, 2003. 524 p.

35. Vegh K. The North Atlantic Treaty and Its Relationship to Other "Engagements" of Its Parties: A Commentary on Article 8. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d4f53092-67baef34-69778084-74722d776562/https/scholarlycommons.law.emory.edu/eilr/vol34/iss0/9/
36. Wilson E.J. III Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, n. 1. P. 110-124.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают используемые в политологии дефиниции «реалполитика», «ноополитика» и «криптополитика».

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных публикаций и интернет-источников по изучаемой теме.

Актуальность работы обусловлена широким использованием терминов «реалполитика», «ноополитика» в политической науке и встречающимся не столь часто употреблением понятия криптополитика в современных публикациях по политологии.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в обоснованных и сформулированных авторами новых уточненных определениях терминов реалполитика, ноополитика и криптополитика.

В тексте структурно выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Введение, Анализ стратегии реалполитики, Анализ стратегии ноополитики, Анализ стратегии криптополитики, Заключение и Библиография.

В публикации освещены исторические аспекты употребления рассматриваемых в статье видов политики; сказано о двух видах реалполитики: архаичной, обеспечивающей временный успех, и более современной, способной реализовать преимущества в исторической перспективе. В ходе анализа стратегии реалполитики проведено сравнение балансов сил сверхдержав СССР и США в международной политике в эпоху холодной войны и первой четверти XXI с отражением параметров политики в каждый из рассматриваемых периодов. Рассмотрение стратегии ноополитики сопровождается анализом эффективности информационной войны в период проведения специальной военной операции (СВО) различными сторонами конфликта: Россией, Украиной и странами коллективного Запада. Параметры криптополитики проанализированы также в отношении нынешнего российского внешнеполитического курса, в том числе в связи изучением особенностей проведения СВО на Украине.

Библиографический список включает 36 источников – публикации отечественных и зарубежных ученых по теме статьи на русском и английском языках, а также интернет-ресурсы и сервис для поиска информации в интернете с помощью искусственного интеллекта Нейро. YandexGPT. В тексте имеются адресные отсылки к источникам, приведенным в списке литературы, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам. Отрадно, что в ряде случаев указываются конкретные страницы, что облегчает поиск первоисточников при цитировании многостраничных публикаций, насчитывающих по несколько сотен страниц.

В качестве замечаний стоит отметить, что в статье не отражено описание таких общепринятых элементов методологического аппарата исследования как цель и задачи, предмет и объект исследования, его методы, не сформулирована практическая значимость полученных результатов. Кроме этого, название таблицы 2 нуждается в корректировке: в нем повторяется слово «проведения» и допущена опечатка слове

«сторонами»

В целом же статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Право и политика», содержит элементы научной новизны, может вызвать интерес у специалистов, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рамках рецензируемой статьи, как утверждает сам автор, являются «стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики, определяющие особенности современного внешнеполитического курса [России]». С учетом того, что современные технологии оказывают всевозрастающее влияние на сферу политики (в том числе на международные отношения) и трансформируют традиционные инструменты политической борьбы, выбранная тема представляется актуальной. В то же время, предлагаемое самим автором определение актуальности – «отсутствие примеров комплексного применения [стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики] в отношении анализа внешней политики» - характеризует скорее новизну исследования. При этом данное автором определение научной новизны – «обзор и критическое рассмотрение научной литературы, посвященной дефинициям реалполитики, ноополитики, криптополитики» - выглядит неубедительно, так как сами по себе «обзор» и «критическое рассмотрение» приводят скорее к обобщениям существующих знаний и выявлению «белых пятен», чем к новым знаниям. Поэтому формулировка научной новизны нуждается в уточнении с акцентом на то, что нового об особенностях внешней политики России можно узнать с помощью комплексного анализа применения упомянутых стратегий в условиях СВО? В представленном виде статья представляет собой попытку обобщения и систематизации имеющихся знаний, в то время как новые научные результаты, по сути, автором не представлены. Методология исследования также нуждается в обосновании, так как автор лишь утверждает, что использует сравнительно-исторический и структурно-функциональный подходы. Однако, остается неясным – как именно используются эти подходы? Что конкретно автор собирается сравнивать в исторической ретроспективе? Что именно рассматривается как «структура», а что как «функция»? Отдельный вопрос к тому, что автор обозначает как «табличный анализ». Не уверен в существовании подобного метода, а также в его эффективности, поскольку в данном случае речь, по-видимому, идет об анализе составленных самим же автором таблиц. Вызывает сомнения и цель, заявленная как «формулировка новых определений реалполитики, ноополитики и криптополитики в соответствии с проведенным анализом эмпирического материала». Автор не поясняет – зачем нужно формулировать новые определения этих понятий? Можно предположить, что в ходе исследования автором был собран такой эмпирический материал, который позволяет поставить под сомнение традиционные определения «реалполитики», «ноополитики» и «криптополитики». Но автор не дает соответствующих пояснений. Кроме того, исходя из содержания (и названия) статьи, напрашивается другая формулировка цели – «выявление особенностей применения Россией стратегий реалполитики, ноополитики, и криптополитики в условиях украинского кризиса». Во всяком случае, у меня сложилось мнение, что статья именно об этом. Стиль изложения, в целом, соответствует академическим стандартам, структура статьи отличается логичным построением и принципиальных замечаний не вызывает. Библиографический список выглядит

убедительно и вряд ли требует значительного расширения. Вместе с тем, удивляет очень короткое заключение, суть которого сводится к определению «уточненных» понятий «реалполитики», «ноополитики» и «криптополитики». При этом в предлагаемом определении «реалполитики» нет ровным счетом ничего нового – такое же понимание использовалось политиками времен канцлера О. фон Бисмарка. Определения «криптополитики» и «ноополитики», по существу, воспроизводят те же дефиниции, о которых речь идет в основном тексте. С учетом сказанного, представляется необходимым расширить выводы, сделав акцент на выявленных автором особенностях применения Россией вышеназванных стратегий в ходе СВО. В этом случае, представленный текст будет представлять значительный интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. Автор отмечает, что методология исследования базируется «на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, которые применяются для применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики».

Актуальность темы обусловлена тем, что в современный период информационные технологии все больше влияют на сферу политики, в том числе и на международные отношения. Под влиянием информационных технологий меняются и традиционные инструменты политической борьбы, в период кризисов они перерастают в вооруженные конфликты

Научная новизна исследования определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна обусловлена тем, пишет автор рецензируемой статьи, что «впервые в политической науке проведен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики». Новизна заключается также в том, что на большом комплексе эмпирического материала проведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/РФ и США.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и четкий, в статье есть и элементы описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия не только специалистами, но и широкими читательскими кругами. Структура статьи направлена на достижение цели статьи, которая заключается в «выявлении особенностей применения стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики в современной российской внешней политике» в условиях проведения специальной военной операции СВА на Украине. Структура состоит из введения, 3 разделов, посвященных анализу российского внешнеполитического курса: Анализ стратегии реалполитики; Анализ стратегии ноополитики; Анализ стратегии криптополитики и Заключение. Во введении автор раскрывает предмет исследования, объект исследования, цель и задачи, методологию и методы исследования, научную новизну. Автор разъясняет значение терминов реалполитика, ноополитика, криптополитика, называет специалистов, которые впервые применили эти термины, а также упоминает работы российских исследователей и разъясняет какой смысл вкладывают отечественные исследователи в тот или иной термин, дает краткий анализ работ по

исследуемой теме. В основном разделе работы проведен анализ стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, выделяются их структурные и функциональные элементы, уточняются определения данных дефиниций опираясь на работы исследователей, которые внесли определенный вклад в исследуемые вопросы. В заключении статьи приведены основные выводы по исследуемой теме. Автор статьи выявляет особенности российской внешней политики в условиях СВО. Выводы автора рецензируемой статьи объективны и показывают уровень анализа, проведенного автором. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен и в нем много интересных материалов, посвященных стратегиям в сфере международных отношений, политики РФ в условиях СВО. В статье имеются таблицы, которые дают возможность сравнить баланс сил СССР и США в эпоху холодной войны (1945 – 1991 гг.) и первой четверти XXI в.; уровень эффективности проведения сторонами конфликта информационной войны в период СВО; провести анализ степени приверженности России, Украины и коллективного Запада принципам криптополитики.

Библиография статьи состоит из 39 работ на английском и русском языках, актуальна и в достаточной мере отражает современное состояние рассматриваемой в работе проблемы. Библиография оформлена грамотно.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.